

Проект реформирования земельного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте указа от 30 декабря 1846 г. (по данным архивных источников 1910 г.)

*Евгений Александрович Гунаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Гунаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье на примере архивных источников Управления калмыцким народом 1910 г. рассмотрены положения, свидетельствующие о проекте активизации земельного устройства калмыков Астраханской губернии в контексте указа 1846 г. *Результаты.* Проведен анализ ранее неопубликованных архивных источников по теме исследования с точки зрения формы и содержания, предложена разработка гипотезы дальнейшего исследования названной проблемы. *Выводы.* В приведенных документах содержатся ценные сведения о землепользовании в Калмыцкой степи, различных аспектах процесса обоседления калмыков, указываются способы совершенствования норм указа 1846 г. к условиям начала XX в., проекты применения в отношении земельных прав калмыков норм общероссийского законодательства и положений о сибирских инородцах и степных областей. Проект провозглашал цель дальнейшего переселения русских крестьян в Калмыцкую степь в зависимости от землеустройства калмыков. По мнению автора, названные вопросы можно исследовать с позиции исторической гипотезы, как бы развивалась земельная реформа в Калмыцкой степи, если бы проект был осуществлен. Проект также провозглашал распространение на калмыков норм общероссийского земельного законодательства и применения в Калмыцкой степи положений о земле, принятых для сибирских инородцев и степных областей.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Астраханская губерния, земельное устройство, указ от 30 декабря 1846 г.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Проект реформирования земельного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте указа от 30 декабря 1846 г. (по данным архивных источников 1910 г.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 36–55. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-36-55

Land Utilization Reform Project for Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Context of the Decree 30 December 1846: Analyzing Archival Sources of 1910

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Gunaev E. A., 2022

Abstract. Introduction. The article examines some 1910 archival documents of the Kalmyk People’s Administrative Department for provisions containing evidence that there had been a project aimed at activating land utilization across Kalmyks-inhabited territories of Astrakhan Governorate in the context of the Decree of 1846. **Results.** The study provides an essential-and-formal analysis of related and previously unpublished archival sources, introduces a roadmap to tackle a hypothesis and further investigate the issue. **Conclusions.** The addressed documents contain valuable data on land use in Kalmyk Steppe, various aspects of Kalmyks’ sedentarization, indicate ways to improve guidelines articulated in the Decree of 1846 under the early 20th-century conditions,

narrate about projects for the application of land-related norms contained in imperial legislation and regulations on non-Russians of Siberia and steppe regions — to Kalmyks and their land rights. The project proclaimed the goal of further resettlement of Russian peasants to Kalmyk Steppe in dependence to land utilization patterns of Kalmyks preferred. The work postulates these issues can be investigated from the standpoint of a historical hypothesis of how the land reform would have developed (and what it would have led to) in Kalmyk Steppe had the project been implemented.

Keywords: Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, land planning, Decree of 30 December 1846

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Gunaev E. A. Land Utilization Reform Project for Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Context of the Decree 30 December 1846: Analyzing Archival Sources of 1910. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 36–55. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-36-55

Введение

Период конца XIX – начала XX в. в Калмыцкой степи Астраханской губернии характеризуется определенными реформами, имевшими целью приблизить калмыков к общероссийским тенденциям социально-экономического развития. Это и реформа 1892 г. об отмене феодальной зависимости, и полицейская реформа 1886 г., а также административная реформа 1909 г., связанная с укрупнением аймаков и хотонов [Максимов 2002: 202–205, 222–223]. Вместе с тем, согласно архивным данным, этим реформам должна была сопутствовать еще одна, а именно — земельная. Однако в силу ряда обстоятельств ее разработка затянулась до 1914 г. [Плюнов 2016: 420]. В связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной проект обоседления калмыков не был осуществлен [Очерки 1967: 393–394].

В этой связи научный интерес представляют документы 1910 г., в частности документы Управления калмыцким народом (далее — УКН), содержащиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), раскрывающие назначение проектировавшейся реформы.

Цель статьи — раскрыть основные положения проекта реформирования земельного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии на основе архивных источников периода 1910 г.

Задачи исследования состоят во введении в научный оборот новых, ранее неопубликованных архивных источников по теме исследования, их анализе с точки зрения формы и содержания, в разработке гипотезы дальнейшего исследования.

Материалы и методология исследования

Материалы исследования представлены документами дела № 1а «Дело по земельному устройству калмыков Астраханской и Ставропольской губерний» (1892–1912 гг.) описи 7 фонда И-9 (Управление калмыцким народом — 1838–1917 гг.) Национального архива Республики Калмыкия. В указанном деле были выявлены следующие документы:

– доклад Заведующего калмыцким народом Съезду улусных попечителей 25 сентября 1910 г. «по вопросу принятия мер к широкому проведению в жизнь закона 30 декабря 1846 г.» [[НА РК. Ф.И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110–115](#)];

– доклад секции от 20 октября 1910 г., в составе попечителя Яндыко-Мочажного улуса В. Е. Локтева и чиновника особых поручений Управления калмыцким народом Ф. И. Плюнова, при участии и д. (исполняющего дела. — Е. Г.) попечителя Малодербетовского улуса М. И. Павинского, «касательно проведения в жизнь калмыков закона 30 декабря 1846 г., об отводе отдельных наделов, тем из инородцев, кои выражают желание осесть по правилам названного закона» [[НА РК. Ф.И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.–109об.](#)].

– журнал № 5 заседания Съезда улусных попечителей от 2 октября 1910 г. [[НА РК. Ф.И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 105об.–106](#)];

Два документа имеют похожие даты, журнал от 2 октября и доклад секции от 20 октября. Представляется, что речь идет об одной дате — 2 октября, поскольку секция также проходила во время Съезда улусных попечителей.

Для аутентичности текста архивных документов в настоящей статье в отношении Указа 30 декабря 1846 г. сохраняется термин «закон».

Методами исследования выступают историко-генетический, историко-сравнительный, источниковедческие анализ и синтез.

История вопроса

Непосредственно вопрос, касающийся темы данного исследования, рассматривал как современник Ф. И. Плюнов в своем труде «Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг.», впервые изданном в 2016 г. [Плюнов 2016: 416–420]. Согласно его изложению, российскими властями разрабатывался проект, в соответствии с которым в Калмыцкой степи предлагалось ввести те же основания землепользования, какие были приняты для степных областей. Но принятию законопроекта помешали осложнение политических отношений на Дальнем Востоке и русско-японская война. Вопрос о реформах в Калмыцкой степи вновь возник в правительственных кругах в октябре 1913 г., когда в Государственную думу Министерство внутренних дел представило «законопроект о преобразовании административного, судебного и земского устройства в Калмыцкой степи, причем вопрос о поземельном устройстве [был] оставлен открытым, подчинив разрешение споров по землепользованию ведению земских начальников» [Плюнов 2016: 419–420].

Закон (Указ.— *Е. Г.*) от 30 декабря 1846 г. об отводе земель калмыкам Астраханской губернии для оседлого поселения подлежал применению в порядке Временных правил по его применению. Они были утверждены 20 мая 1914 г. министром внутренних дел Н. А. Маклаковым по согласованию с министром юстиции и главноуправляющим землеустройством и земледелием, и астраханскому губернатору было предложено привести в исполнение названный нормативный акт [Плюнов 2016: 420]. Текст Временных правил приводится в книге Ф. И. Плюнова [Плюнов 2016: 421–424].

В научном плане указанный вопрос затронул А. Н. Команджеев. Он отмечает, что процесс перехода к оседлости среди калмыков Астраханской губернии побудил просить о наделении землей по указу о заселении дорог 1846 г. ряд аймаков, хотонов, хурулов и отдельных лиц. «К этому их побуждало не только стрем-

ление осесть на землю, но и постоянная боязнь остаться вообще без земли, поскольку неясность территории и туманные границы калмыцкого общинного землепользования являлись причиной последовательных отводов царизмом калмыцких земель подобочные статьи и предметом острых споров» [Команджаев 1999: 60–61].

Съезд улусных попечителей в 1909 г. выработал проект инструкции по применению закона 1846 г., который был представлен на утверждение в МВД. Как считает А. Н. Команджаев, «эта инструкция являла собой один из триумфальных актов столыпинского аграрного законодательства: общественным сходам предоставлялось право заменять „общинное пользование землею... участковым или подворным (наследственным) по согласию на тоне менее двух третей домохозяев, имеющих право голоса“ в размере не более 30 десятин на душу мужского пола» [Команджаев 1999: 61].

В то же время, как полагает А. Н. Команджаев, посредством данной инструкции отнюдь не ставилась задача улучшения жизни населения путем привития им оседлости, новых приемов хозяйствования и т. п. «Применение этой инструкции, наделение землей из расчета 30 дес. на мужскую душу обещали в будущем фантастические результаты в деле обнаружения земельных излишков: ведь 140 тыс. человек занимали официально территорию в 6,5 млн десятин» [Команджаев 1999: 62], что отвечало интересам верхушечной части калмыцкой и переселенческой деревни (см. также: [Команджаев 2009: 125, 134]).

В целом указ 1846 г. рассматривался в историографии в контексте государственной политики по поселению в Калмыцкой степи крестьян из малоземельных губерний, аграрно-национального вопроса и связанных с ним противоречий [Пальмов 1932: 11; Очерки 1967: 292–299; Команджаев 1980: 64–81; Борисенко 1989: 63–89; Белоусов 2009: 514–559; Белоусов 2016: 115–122; Белоусов 2020: 632–639; Бадмаева 2016: 1173–1181; Горяев 2013: 154–162; Надбитов 2006: 42–51; Когаева 2011: 77–80].

С. Ю. Деев, исследуя проблемы системы управления калмыцким народом в XIX в., отмечает, что постепенный переход кочев-

ников к оседлости и установление в Калмыцкой степи четких административных единиц облегчили бы местной администрации задачи управления и проведения реформ [Деев 2006: 125].

Как представляется, в историографии не рассматривается подробно вопрос о проекте земельного переустройства Калмыцкой степи на началах указа (закона) 1846 г. в начале XX в. В этой связи приводимые в данной статье источники должны восполнить пробел по указанному вопросу.

Архивные материалы о проекте реформы земельного устройства Калмыцкой степи на началах Указа 1846 г. в 1910 г.

В докладе Заведующего калмыцким народом С. А. Козина съезду улусных попечителей 25 сентября 1910 г. обосновывались меры по вопросу широкого проведения в жизнь закона 30 декабря 1846 г. На документе имеется пометка: «В Земский отдел с инструкцией о применении закона 1846 г. 13/15 октября 1910 г. № 6945» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110]. В докладе отмечалось, что в письме министра внутренних дел статс-секретаря П. А. Столыпина от 11 августа 1910 г. за № 2665 на имя астраханского губернатора было высказано указание о необходимости в виду «скорейшего поднятия хозяйственного быта калмыков, приобщения их к общей культурной жизни и слиянию с коренным русским населением»: 1) отвода земельных наделов тем из инородцев, которые выражали желание осесть поправилам закона 30 декабря 1846 г. и 2) открытия более широкого доступа в калмыцкую степь русским земледельцам, «которые, несомненно, как это показал опыт, будут способствовать переходу калмыков к правильному занятию земледелием и оседлому быту» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110]. В письме министра П. А. Столыпина указывалось, что, хотя в законе 1846 г. и предусматривались меры для землеустройства калмыков, но многое в нем могло оказаться неполным и не соответствующим времени. В этой связи П. А. Столыпин поручал обсудить на месте, «какие нужны меры к широкому проведению в жизнь закона 1846 г. и как, в целях успешности дела, надлежало бы организовать работы по этому предмету и какие для сего по-

требовались бы средства и техничеcко-межевой состав» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110].

Согласно докладу С. А. Козина, в середине XIX в. бытовой уклад калмыцкого населения «носил все характерные черты, присущие полубродячим кочевникам» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110об.], поэтому обосновывалась преждевременность перевода калмыков на оседлость, этим же объяснялась полная неудача в поземельном устройстве калмыков в годы, непосредственно следовавшие за изданием закона 1846 г. В начале XX в. наблюдалась уже другая ситуация: сократился радиус кочеваний, две трети калмыков «почти приблизились к оседлому строю и хозяйству» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110об.], в этой связи возникла острая необходимость правильного землеустройства. Население на основе обычая само установило поулусное распределение угодий степи, а в значительных районах и строгое распределение угодий по аймакам, родовым группам и даже хотонам. В некоторых улусах, например, Яндыковском и Малодербетовском, родовыми группами возбуждались определенные ходатайства об их землеустройстве на началах закона 1846 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110об.].

Далее в докладе приводится сравнение применения норм закона 1846 г. для калмыков Астраханской и Ставропольской губерний. Применение закона 1846 г. в части землеустройства калмыков в Астраханской губернии имело место лишь в 1860-х гг. и выразилось в виде отвода калмыкам участков для заведения степного хозяйства, по нормам данного закона, а в низменной части степи даже по 60 дес. на душу. В Малодербетовском и Манычском улусах отведено было на этом основании 624 382 дес. и в Икицохуровском 84 745 дес. Однако большинство этих участков, по результатам обследования их в 1871 г. особой комиссией, было отобрано от общества, как не исполнившего обязательств о возведении на них хозяйственных построек, и обращено в общее пользование с сохранением права на отведенные участки лишь за 5–6 обществами, например, Ики-Бухусовское, Бага-Бухусовское, Найнтакиновское и др. На планах отведенным названным обществам земель не было

сделано никаких утвердительных надписей, а также не было выдано никаких отводных актов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л 110об.].

Применение закона 1846 г. к калмыкам Ставропольской губернии (Большедербетовский улус), произведенное на одинаковых основаниях и в том же порядке, выразилось, однако, в полном завершении предварительных работ по землеустройству всего калмыцкого населения этого улуса по нормам названного закона, причем остался невыполненным лишь завершающий момент установления землеустройства сельского населения: составление, предъявление и выдача отводных записей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 111].

Согласно С. А. Козину, причины «столь незначительных итогов в землеустройстве калмыцкого населения за продолжительный период почти шестидесятилетнего действия землеустроительного закона 1846 г.» виделись в том, что 1) недостаточно были разработаны правила отвода земель и 2) не содержалось никаких норм относительно утверждения произведенных отводов и укрепления подлежащими отводными актами. Столь существенные пробелы не могли, конечно, не отразиться самым отрицательным образом «как на землеустроительной деятельности подлежащих учреждений, так и на проявлении инициативы самого населения, малосознательного, полукочевого и не склонного к ломке исконно усвоенного быта» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 111].

Недостаточная проработанность закона 1846 г. приобрела еще более важное значение ввиду отмены в 1908 г. статей 575 и 576 Положения об инородцах, нормировавших собственно заселение дорог и имевших своим источником инструкцию, изданную в развитие закона 1846 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л 111об.].

В составе Управления калмыцким народом, подвергшегося значительным штатным изменениям, в начале XX в. оставались специальные землеустроительные чины, которыми являлись: Заведующий калмыцким народом, переименованный в 1902 г. из помощника Главного попечителя по заселению дорог, землемер, архитектор и один чиновник особых поручений. Эти чины и составляли землеустроительный орган (особую комиссию) при Главном

попечителе калмыцкого народа, каковым в то время являлся астраханский губернатор, объединявший в своем лице руководителя и главу крестьянских и инородческих учреждений губернии.

Докладчиком ставился вопрос, в какой мере необходимо было увеличить состав чиновников для землеустройства калмыцкого населения. Он обратил внимание, что с 1910 г. при Управлении калмыцким народом распоряжением министра внутренних дел была установлена за счет общественного калмыцкого капитала должность агронома, которая, по его мнению, несомненно, могла играть большую роль в создании землеустроительного органа по применению закона 1846 г.

В качестве способа устранения пробелов закона 1846 г. виделось издание подробной инструкции по применению названного закона к калмыкам, желавшим осесть и получить земельное устройство в порядке статьи 534 Положения об инородцах, «коей предоставлены Попечительной власти над калмыками применяться в подлежащих случаях, к правилам, которые были постановлены в учреждениях Управления Государственных крестьян, а следовательно, к таковым же, постановленным в настоящее время для тех же крестьян» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112].

Далее указывалось, что Положением о сельском состоянии, в нормах, касающихся земельного устройства государственных крестьян и инородцев (кн. 5 и 6), были предусмотрены и установлены землеустроительные органы, ведавшие делом отграничения и утверждения отводов, а также составлением, предъявлением, и выдачей земле отводных актов:

1) партии производителей работ, действовавшие под общим руководством старших чиновников;

2) поземельно-устроительные комиссии, образуемые под председательством старшего производителя работ в составе: а) местных органов крестьянских установлений (земские начальники, крестьянские и инородческие начальники); б) начальников уездных полиций (исправники, начальники уездов); в) податной инспекции; г) лесничего; з) губернского учреждения, как-то: губернские и губернские по крестьянским делам присутствия, об-

щие присутствия губернского управления или области правлений и т. п.

Создание соответственных органов для землеустройства в Калмыцкой степи не могло, по мнению докладчика, «встретить на практике ни серьезных затруднений, ни существенных затрат из калмыцких общественных источников расходов, сопряженных с устройством и улучшением быта калмыков» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112–112об.].

Так, предлагалось:

1) обязанности старшего чиновника по общему руководству делом землеустройства в степи возложить на Заведующего калмыцким народом; обязанности старшего производителя работ — на агронома при Управлении; чиновник особых поручений, землемер, архитектор и старший землемер составили бы партии производителей работ;

2) поземельно-устроительные комиссии могли бы быть назначены под председательством агронома, в составе попечителей улусов по принадлежности и их помощников, податного инспектора по Калмыцкой степи, а при недостаточности и по смежному с Калмыцкой степью уезду, и наконец лесничих Черноярского и Астраханского уездов или чинов Лесного ведомства, Заведующего делом пескоукрепления. По проекту комиссий предлагалось открыть вначале лишь две: Дербето-Икицохуровскую (для улусов Малодербетовского, Икицохуровского и Манычского) и Яндыко-Эркетеневскую (для обоих улусов), поскольку в данных улусах землеустройство, по признакам наибольшей оседлости, являлось «наиболее назревшим» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112об.].

С расширением землеустроительных работ и усилением состава партий производителей работ (межевых чинов), по мнению докладчика, на первое время было бы достаточно внести в смету общественного калмыцкого капитала от полутора до двух тысяч рублей на содержание при Управлении старшего землемера и от двух до трех тысяч рублей на операционные расходы по землеустройству, принимая в расчет, что «поставка рабочих и средств передвижения должна быть, казалось бы, принята за счет заин-

тересованных в землеустройстве калмыцких обществ, натурою» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112об.–113].

В отношении установления основ земельного устройства калмыков на началах закона 1846 г., а также дополнения его норм правилами о порядке определения земельных наделов и производства земельно-устроительных работ, то в инструкцию предлагалось внести «узаконения», содержащиеся в ст. 1–107 Положений крестьянских собраний (кн. VI), применив их к особенностям устройства калмыков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113].

Главные особенности должны были заключаться в следующем: 1) учет семейств калмыков, временно кочевавших в пределах степи, «не порвавших связи с ней, обложенные на равных с прочим населением податью со скота и участвующих в той или иной форме в пользовании угодьями степи в улусах и аймаках»; 2) учет ранее отведенных наделов (Ики-Бухусы, Найнтакины и др.); 3) соблюдение норм закона 1846 г. о праве получивших наделы на общие пастбища и 4) разрешение вопроса о назначении имевшихся образовавшихся излишков после завершения землеустройства улусных групп [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113].

В докладе отмечалось, что нормы о заселении дорог через калмыцкие земли, которыми предусматривалось поселение русских земледельцев к станицам калмыков, были отменены в 1908 г. (ст. 575 и 576 Положения об инородцах). Съезд улусных попечителей отметил, что Министерством внутренних дел было дано разъяснение о возможности принятия русских земледельцев в среду калмыцких обществ по приговорам (решениям. — *Е. Г.*) последних [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113об.].

В докладе содержится характеристика землепользования в Калмыцкой степи в начале XX в. Отмечалось, что отведенные калмыкам земли юридически, а в значительной части и фактически находились в общем пользовании всего народа, и лишь в некоторых частях обычаем сложилось поулусное и поаймачное землепользование, не ограниченное в натуре и не закрепленное никакими открепительными актами. Так, улусы Харахусовский и Икицохуровский сохраняли общее пользование своими землями,

улус Эркетеновский служил нередко выпасным фондом для всех степных скотоводов, имея, кроме того, обширную полосу общего землепользования с калмыками Икицохуровского улуса, а Яндыковский улус — такую же с калмыками Харахусовского улуса; аймачное землепользование в общих чертах сложилось лишь в улусах Малодербетовском, Манычском и Яндыковском [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113об.].

Указывалось, что устройство русских земледельцев на одинаковых правах землепользования с калмыцкими обществами, в свою очередь не имевшими никакого земельного устройства, могло внести «в степь скорые беспорядок и смуту, нежели правильное и государственно необходимое слияние» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113об.]. В этой связи скорейшее землеустройство калмыцких обществ на началах закона 1846 г. и применительно к общим нормам о землеустройстве государственных крестьян и инородцев представлялось крайне необходимым, так как при самом землеустройстве уже возможно было поселение русских земледельцев, согласно ст. 9 и 25 Положения крестьянских собраний, к аймачным обществам, заявившим ходатайство об оставлении за ними излишков земель, которые окажутся в результате наделения их по нормам закона 1846 г. Предлагалось, что до начала процесса земельного устройства калмыков русских земледельцев и скотоводов «для широкого доступа в степь» поселять на основаниях оброка, в пределах тех излишков калмыцких землепользователей, которые были установлены обследованием 1909 г. По завершении же землеустройства этой цели могли служить общие по степи излишки земель и «правомерное слияние калмыков с коренным русским населением, в порядке приема по приговорам» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 114–115].

Следующий документ — «Доклад секции от 20 октября 1910 г., состоящей из попечителя Яндыко-Мочажного улуса В. Е. Локтева и Чиновника особых поручений Управления калмыцким народом Ф. И. Плюнова, при участии и т. д. (исполняющего дела. — Е. Г.) попечителя Малодербетовского улуса М. И. Павинского, касательно проведения в жизнь калмыков закона 30 декабря 1846 г.,

об отводе отдельных наделов, тем из инородцев, кои выражают желание осесть по правилам названного закона» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.–109об.].

Рассматривая вопрос о более широком внедрении среди калмыков закона 1846 г., секция считала необходимым, прежде всего, коснуться вопроса о том, как само население в его главной массе относилось к данному вопросу и насколько оно подготовлено к осуществлению намеченных мер.

В докладе секции отмечается, что законом 1846 г., а также и последующими распоряжениями правительства была признана необходимость приобщения калмыков к оседлости, с целью которой и выдавались ссуды на постройку жилых помещений. Поначалу эти меры, как показали многие факты при взыскании с калмыков старых ссуд, не сразу нашли себе отзвук населения: калмыки охотно брали эти ссуды, но расходовали их не по назначению. Но с течением времени положение вещей резко изменилось, и власти уже столкнулись с инициативой самого общества — стали подаваться ходатайства о поселении, о наделе землею. Так, по Яндыковскому, Манычскому и Малодербетовскому улусам ходатайствовали целые общества, но в силу принципа общего пользования надлежащее разрешение не получили [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.].

В докладе указывается, что кочевой строй жизни калмыков утратил свой первоначальный облик, за редким исключением передвижение калмыков ограничивалось пределами своего рода. Калмыки Яндыко-Мочажного и частью Малодербетовского, Манычского улусов прочно осели в своих родах и, обзаведясь жилищами и хозяйственными постройками, образовали мелкие оседлые единицы типа хуторских хозяйств.

Эти данные дали полные основания секции заключить, что проведение в жизнь закона 1846 г. в указанное время являлось не только желательным, но осуществимым. Секция также пришла к выводу, что закон 1846 г., будучи примененным в свое время исключительно к заселению дорог, отличался своей неполнотой: не содержал в себе указаний порядка производства землеустроительных работ, составления и выдачи населению отводных записей,

порядка их утверждения, об обществах, которым отводились наделы. Из личного состава чиновников, установленного этим законом, многие должности были упразднены, а действующий состав к тому времени в виде землемера, архитектора и Чиновника особых поручений являлся ограниченным и не в состоянии был выполнить такую сложную задачу, как «устройство калмыцких наделов» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.].

В виду изложенного секция предлагала, не отступая от основной нормы, указанной в законе 1846 г. душевого надела, при производстве землеустроительных работ руководствоваться положениями и правилами о поземельном устройстве крестьян и инородцев в сибирских губерниях. В законе 1846 г. (ст. 16) было установлено, что поземельно-устроительные комиссии состояли из старшего производителя работ, производителя работ, составивших проект отграничения, и местных крестьянского начальника, податного инспектора, исправника и лесничего. Все работы по землеустройству производились под общим руководством старших чиновников (ст. 44).

По мнению секции, существенно не изменяя наличного штата чинов Управления калмыцким народом, обязанности старшего чиновника возможно было возложить на Заведующего калмыцким народом, старшего производителя работ — на агронома, производителя работ — на землемера, крестьянского начальника и исправника — на улусного попечителя или его помощника.

Высказав желательность учреждения таких комиссий, секция в виду обширности предстоявших работ признала необходимость открыть деятельность по крайней мере двух комиссий: одну для Малодербетовского, Манычского и Икицохуровского улусов, другую — для Яндыко-Мочажного и прочих, причем в состав этих комиссий должны были войти податной инспектор и лесничий там, где в участии последнего будет необходимость [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 108].

Секция в виду сложности производства землеустроительных работ полагала необходимым выработку подробной инструкции, которая исходила бы из местных условий на основе названных положений.

В докладе секции отмечалось, что население Калмыцкой степи разделялось на две резко отличающиеся друг от друга группы: население улусов с прилегающими крестьянскими селами и население улусов степных. В отношении первых отмечалось, что под влиянием русского населения со стороны калмыков к оседлости проявилась инициатива и задача попечительства здесь значительно облегчалась, сводясь к необходимости поддержать эту инициативу разъяснениями на сходах и другими способами, «какие признавались удобными» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 108]. В степных же улусах, где почти не наблюдалось признаков оседлости, вопрос о землеустройстве осложнялся [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 108].

До осуществления землеустроительных работ секция предлагала через местную власть собрать самые точные, относящиеся к этому вопросу, сведения как об обществах, так и отдельных лицах, которые выразили бы желание осесть по правилам закона 1846 г. с указанием количества хозяйств, душ, площадей пользования и вид этого пользования и т. п.

Рациональной мерой внедрения закона 1846 г. в жизнь, «так и слиянию калмыков с коренным русским населением», признавались возможности перечисления русских крестьян к калмыцким и приписку калмыков к русским обществам [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 109].

Так как в Положении об инородцах нигде не было указания о способах таких перечислений и в то же время калмыкам были предоставлены права сельских обывателей, то в данном случае секция находила желательным применение общих крестьянских положений. Что касается вопроса землепользования в Калмыцкой степи приписанных к калмыцким обществам крестьян, то приписываемые должны были подчиниться или тем условиям, которые существовали в общинном пользовании калмыков в то время наравне с последними, или же в том случае, когда перечисление происходило с вырезкой определенных земель, надела, в соответствии с условиями, выработанными землеустроительной комиссией, в круг обязанностей которой должно было войти земельное устройство крестьян.

Далее секция пришла к выводу, что с открытием действий земельно-устроительной комиссии в Калмыцкой степи установленная в ней норма казенного сбора со скота, в связи с наделами, безусловно, будет переработана и заменена сбором какого-либо другого вида, как например, покибиточным, дворовым или по-земельным налогом, и выработанный таким образом вид налога, конечно, должен был распространиться и на перечисляемых крестьян [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 109об.].

Завершающим документом является журнал № 5 заседания съезда улусных попечителей от 2 октября 1910 г. На нем был заслушан доклад Заведующего калмыцким народом С. А. Козина, попечителя Яндыко-Мочажного улуса В. Е. Локтева и чиновника особых поручений Ф. И. Плюнова «по вопросу о принятии мер к широкому проведению в жизнь закона 30 декабря 1846 г. и открытия более широкого доступа в калмыцкую степь русских земледельцев» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 105об.]. В результате съезд постановил возбудить ходатайство об издании, в порядке 534 ст. Положения об инородцах, особой инструкции, которая, исходя из основных норм закона 30 декабря 1846 г., урегулировала бы землеустроительную деятельность по тем же формам и порядкам, которые были установлены законом для землеустройства казенных крестьян, а также инородцев Сибири (Положение о сельских состояниях, кн. V и VI). В отношении проектируемых органов землеустройства и порядка, сопряженного как с нормами закона 1846 г. и особого быта калмыков, так и с постановлениями соответствующих общественных норм, съезд находил предложения комиссии во всем правильными и выработанный проект Инструкции по применению закона 1846 г. о поселении калмыков вполне согласованным с потребностями времени. Съезд признал необходимым всеми законными средствами способствовать приписке русских земледельцев к калмыцким обществам по приговорам последних, руководствуясь в отношении правил приписки перечислений соответствующими нормами Общего положения о крестьянах, причем успешное применение этой меры съезд поставил в необходимую связь с осуществлением землеустройства

калмыков, так как попутно с ним должна была появиться широкая возможность к поселению русских земледельцев, во-первых, за счет освободившихся земельных излишков и, во-вторых, на основаниях оброка русских поселян, «использовав для этой цели те земельные излишки, кои выяснены статистико-экономическим обследованием 1909 г.» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 105об.–106].

Выводы

Приведенные архивные документы, касающиеся проекта по активному применению указа 1846 г. в отношении калмыков о наделении их землей на началах оседлости, содержат ценную информацию о землепользовании в Калмыцкой степи начала XX в., развитии процесса обоседления калмыков, способах совершенствования норм указа 1846 г. к изменившимся условиям, проектах применения в отношении земельных прав калмыков норм общероссийского законодательства и положений о сибирских инородцах и степных областях. В то же время проект преследовал цель дальнейшего переселения русских крестьян в Калмыцкую степь, но в связи с землеустройством калмыков. В этой связи указанные вопросы могут исследоваться с позиции исторической гипотезы, как бы развивалась земельная реформа в Калмыцкой степи, если бы проект был осуществлен. Отдельного исследования заслуживает вопрос о распространении на калмыков норм общероссийского земельного законодательства, а также применения в Калмыцкой степи положений о земле, принятых для сибирских инородцев и степных областей.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бадмаева 2016 — *Бадмаева Е. Н.* Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX – первой половине XX вв. // Былые годы. 2016. № 4. С. 1173–1181.
- Белоусов 2009 — *Белоусов С. С.* Калмыкия во второй половине XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 514–559.

- Белоусов 2016 — *Белоусов С.С.* Проблема седентаризации калмыцкого народа в контексте правительственных планов по модернизации его управления и социально-экономического уклада жизни (середина XIX – первая треть XX в.) // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2016. No. 3(9). Pp. 115–122. DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.115
- Белоусов 2020 — *Белоусов С. С.* Формирование органов управления и административно-территориального устройства переселенческой деревни на калмыцких землях Астраханской губернии (вторая половина XIX в.) // Былые годы. 2020. № 2. С. 632–639. DOI: 10.13187/bg.2020.2.632
- Борисенко 1989 — *Борисенко И. В.* Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 63–89.
- Горяев 2013 — *Горяев М. С.* Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: НПП «Джангар», 2013. 224 с.
- Деев 2006 — *Деев С. Ю.* К вопросу о проблемах системы управления калмыцким народом в XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 20. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 121–137.
- Когаева 2011 — *Когаева Н. М.* Столыпинское землеустройство в Калмыкии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 9(63). С. 77–80.
- Команджаев 1980 — *Команджаев А. Н.* Аграрная политика царизма и аграрное движение в Калмыкии (1906–1914 гг.) // Калмыкия в трех революциях и гражданской войне. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 64–81.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1999. 262 с.
- Команджаев 2009 — *Команджаев А. Н.* Общественно-политическое развитие в начале XX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 2. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 46–106.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

- Надбитов 2006 — *Надбитов Р. К.* Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Калмыкии в конце XIX – начале XX в. Элиста: Калм. ун-т, 2006. 119 с.
- Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР: в 2-х тт. Т. 1. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Пальмов 1932 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5. Дела земельные. Астрахань: Калмиздат, 1932. 192 с.
- Плюнов 2016 — *Плюнов Ф. И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.